

А. М. ГОРЬКИЙ И Ф. М. РЕШЕТНИКОВ*

Тема эта была заявлена еще в 1901 г., когда наша печать, довольно дружно отменяя тридцатилетие со дня смерти демократического писателя, напоминала о Горьком, улавливая историческую связь творчества этих русских литераторов. Именно историческую, как запечатлевшую две различные, хотя и одинаково существенные эпохи национальной жизни. Так писал М. Лемке в «Орловском вестнике», М. Невский в «Восточном обозрении», анонимный автор юбилейной статьи в «Новостях».

Но именно во многих из этих статей была заложена последующая длительная традиция: говоря о Горьком, обязательно вспоминать о Решетникове, но только противопоставляя их, подчеркивать значительность открытий писателя пролетарской эпохи. Так писали об этом Борис Михайловский, Плукш, Бялый и др.

Впрочем, Лемке в своей статье подчеркнул также своеобразие того и другого писателя, уловив различия в характере авторской позиции: Решетников, по его мнению, жалеет своих героев, Горький же — читателей, которые ниже, уже, серее, чем простые люди в его рассказах. Вероятно, такое абсолютное противопоставление двух принципов понимания человека тоже неверно, и простое признание исторического превосходства Горького не приближает нас к верному пониманию места того и другого писателя в развитии литературы.

Напомним, что газета «Искра» в 1901 г. назвала Горького «талантливым выразителем протестующей массы», отметив исторический смысл его творчества. Но не следует забывать, что и Решетников выдающимися представителями русской демократической мысли 60-х гг. определялся не только как писатель, открывающий новый период литературного развития, но и как выразитель народного страдания и протеста. Выражая общее мнение, автор некролога в санкт-петербургских ведомостях писал: «Покойный писатель должен быть признан самым выдающимся представителем той “молодой” литературы, которая получила развитие в последнее десятилетие и в которой таятся зародыши будущих, быть может, весьма значительных плодов». Он же подчеркнул его служение «интересам массы» (Ведомости. 1871. 14 марта).

* Архив И. А. Дергачева. Дело 11, ед. хр. 4, л. 129–140. Работа представляет собой два экземпляра машинописного текста с обильной рукописной правкой. Публикация подготовлена М. И. Дергачевой.

Щедрин писал об открытии Решетниковым новых принципов романа, о его голосе как голосе самих масс. В 60-е гг. это не были массы, протестующие в той мере и в тех формах, которые вызвали к жизни, создали и укрепили талант Горького. Но самое появление рабочих масс в литературе уже было высвобождением их голоса, формой их протеста, формой выражения тех основ трудовой рабочей личности, которые нашли яркое развитие в дальнейшем.

Сегодня мы должны видеть в двух писателях выразителей единого процесса, лишь находящихся в разных точках исторического движения. Сопоставляя их, мы поймем, что пролетарское движение XX в. имело основание как в научной теории, так и в национальной традиции, складывавшейся в ходе становления новой промышленной России, во многих жизненных позициях, формировавшихся в рабочей среде и блестяще зафиксированных, выраженных Решетниковым.

Остановимся на некоторых «сближениях», которые обнаружат как точки соприкосновения, так и историческую расчлененность явления.

Уже в ранних произведениях Горького видна его связь с Решетниковым. Оба писателя обратили внимание на сходные явления в жизни рабочих, в становлении их как представителей своеобразного типа сознания, концентрированно выражающего главное содержание исторического процесса. Вот пример.

Всем памяты слова Сатина в пьесе Горького «На дне»: «Человек выше сытости». Это было философское суждение. В нем выражена горьковская мысль. Но корни такого суждения — в позициях рабочих, изображенных еще Решетниковым. Решетников помогает нам понять, что сентенция — яркое итоговое выражение настроений и представлений тех рабочих, которых он знал. В его романе «Горнорабочие» говорится о том, что сын приказчика Плотников хочет посватать дочь простого рабочего Елену Токменцеву. Казалось бы, это сватовство сулит «сытую» жизнь, переход в более высокий «слой» людей, имеющих больше прав и привилегий. Однако Токменцев решительно отказывает: «Породнись с подлецом, и сам будешь им». Человеческое достоинство, гордость, честность, цена содружества с себе равными — выше сытости. Рабочий Максим Облупалов в рассказе «Горнозаводские люди» смело «шутит» с самим Горным начальником, утверждая то же чувство человеческого достоинства. «Прелестнейший тип русской женщины», по словам Щедрина, Пелагеи Прохоровны — также яркое свидетельство, что не стремление к «сытости», сытости любыми средствами, живет в простом человеке, а чувство союза со своими близкими по судьбе, чувство личности, независимости, истинной человечности, любви, в которой нет ни принуждения, ни выбора выгоды.

В романе «Мать» широко развернута эта прекрасная идея — человек выше сытости. Борьба расширяет личность человека, она ведется во имя многих, во имя их чести и достоинства, против всякого угнетения, препон на пути реализации личности.

В романе Горького перед нами рисуется картина формирования союза

людей, которых объединяет общая и общезначимая идея, чувство локтя, обретаемое в ходе этой борьбы за человеческие права.

В произведениях Решетникова мы также все время встречаемся с этой идеей, живущей не просто в сознании автора, а в мыслях и действиях рабочих-героев. В «Горнорабочих» это нежелание примириться с надругательством над личностью, в «Глумовых» — решительный протест и даже коллективная расправа с штейгером на золотых приисках. Это волнения в связи с объявлением «воли» — забастовка рабочих, разгром рабочими хлебных амбаров, коллективные действия, которые заставили администрацию завода бежать, а правительство усмирять рабочих при помощи войск. Все это рассыпано в романе в виде отдельных сообщений. По условиям цензуры иначе и не мог автор сказать. Но в целом вырисовывается зреющая сила коллективного отпора, ощущение сплоченности и единства.

В романе Горького иная ступень осознания закономерностей собственных действий, другие формы борьбы обнаруживают за собой все ту же вызревавшую ранее и отмеченную Решетниковым борьбу за существование, обязывающую к сплочению, к единству, к бескомпромиссности.

Героиня романа Решетникова «Где лучше?» спрашивает: «Неужели же эту жизнь нельзя сделать лучше?» Все содержание романа и в первую очередь образ рабочего Петрова, уже осмысляющего формы коллективного действия во имя общих интересов, выводит нас за рамки собственно 60-х гг. и приближает к времени, когда рабочие Сормова выступили как единая сила. Право, Петров кажется очень близким героям горьковского романа.

Своеобразие горьковского романа «Мать» было, как отмечала критика, и в том, что в центре повествования впервые так широко встал образ простой женщины из народа. Как известно, Воровский полагал, что образ Ниловны надуманный, нетипичный. Но опыт Решетникова-художника убедительно свидетельствует, что критик здесь не сумел почувствовать жизненную силу и значительность образа Ниловны. Об этом свидетельствуют героини Решетникова — люди, постоянно чувствующие несправедливость житейских отношений, за которыми стоят привычные формы социального угнетения. Писатель убеждает нас, что женщина должна была с особой остротой чувствовать посягательства на ее личность, заботиться об обороне, искать новых отношений или по крайней мере ждать их. Щедрин назвал Пелагею Прохоровну типом прелестнейшей русской женщины, в ее чуткости к неправде жизни, к поискам других отношений видя ее красоту.

Появление типа Ниловны было подготовлено тем, что зафиксировал Решетников. Вопрос-то о том, нельзя ли сделать эту жизнь лучше, к чему стремится Ниловна и ее друзья, уже стоял перед женщинами Решетникова.

Есть еще одна примечательная переключка Горького с Решетниковым. В «Подлиповцах» сыновья Пилы, оставшиеся в Перми, потерявшие отца из виду, чувствуют свою связь с ним, хотя он и ниже их по развитию, меньше разбирается в окружающей жизни. Но они не хотят разрыва поколений, они убеждены, что между ними и родителями должна быть связь, основанная на родстве. Младшие при этом готовы выступить в качестве учителей

старших, поскольку они живее понимают и воспринимают меняющийся мир. Отношения между Павлом и матерью раскрывают эту глубоко народную мысль о связи поколений, не только о преемственности опыта, о чем столь усиленно говорилось в этнографических очерках 60-х гг., но и о движении вперед, об особой остроте восприятия молодежью быстротекущей действительности. Идея связи, традиций борьбы, чувства человеческой общности, защита личности раскрывались у Решетникова как итог, как признак, как свойство общества, чувствующего трудовое содружество. Это идея союза поколений, возможности взаимопонимания и совместного действия. Новые принципы бытия, к которым приобщается молодежь, которыми увлекают Ниловну становятся основой новой жизни, активной, страстной, общественной. Идея социализма и революционной борьбы оказывается основой развития личности, уже несущей в себе традиции, которые с такой силой изобразил Решетников, рисуя Россию, находящуюся в движении.

Еще одно. Идея движения, широкого размаха жизни, отсутствие прикреплённости к месту лежит в основе не только ранних рассказов Горького, у которого все это поэтизируется, но и в повествовании уральца, наблюдавшего разрыв с оседлостью как признак времени.

Соловьев-Андреевич в 1901 г. писал, что роман «Где лучше?» — «эпопея жизни бродячих мастеровых и чернорабочих». Это «момент жизни, изображенный Решетниковым, — начало нашей собственной жизни, наших общественных отношений». Отсюда шли нити к Горькому.

Творчество Решетникова и Горького поддается сравнению как явление одного типологического ряда, движение в его различных точках и средствах, подсказанными самим состоянием мира.

Как же сам Горький видел и оценивал творчество Решетникова? Понимание им этого писателя не было однозначным всегда и во всем. В 1898 г. в рассказе «Коновалов» он ввел сцену чтения «Подлиповцев» рассказчиком. Коновалов заинтересовался повестью: «За душу берет, — вот до чего живо, — говорит он и продолжает мысль, — писатель вбирает в себя чужое горе жизни» и «вольет тоску в книги». Оценка эта поддержана рассказчиком-автором: «Я согласился с ним».

Горькому импонировала органическая включенность Решетникова в жизнь самого народа, способность переживать вместе с ним его беды и надежды, не только говорить о нем, но и выражать его душу, состояние, «тоску».

Но в дальнейшем Горький заметил, что тридцатилетие, лежащее между Решетниковым и им, — время таких сдвигов в психологии масс, что различие взглядов и художественных принципов стало выступать на первый план. Он не принимал самой художественной структуры романов Решетникова. Однако в 1909 г., работая над «Историей русской литературы», Горький устанавливает объективно историческое место Решетникова среди разночинно-демократической литературы, понимая все отличие его от представителей народнической беллетристики.

Сегодня мало видеть различие двух эпох русской жизни и двух эпох литературы. Исследование их тесных связей становится более актуальным.